

Цзинь Юньтин отвел взгляд и обратился к Жуань Чжичжэню:

— Великое благодеяние не выразить словами. Поместье хоу Чжэньбэй навсегда сохранит память об этом в своих сердцах.

— Не стоит таких слов. По правде говоря, я почти ничего не сделал, всё это — заслуга Сыняня,
— Жуань Чжичжэнь немного помолчал, раздумывая, и не удержался от вопроса: — Юньтин, что ты думаешь о сегодняшнем происшествии?

— Если судить только по звуку, можно было принять это за удар грома. Я уже приказал замести следы, а завтра отправлю людей найти возничего, щедро заплачу ему, чтобы выкупить повозку, и скажу, что вас просто увезли. О том, что это за страшное оружие, мы обязаны доложить двору, пусть Его Величество сам принимает решение, — ответил Цзинь Юньтин. — Нам потребуется совместное прошение от старшего господина. Сейчас я составлю текст и пришлю его вам. До тех пор, пока государь не объявит об этом во всеуслышание, прошу вас хранить молчание. А если Его Величество пришлет людей расспрашивать, отвечайте как есть.

Жуань Чжичжэнь тихо вздохнул. Он видел тела — раны от того оружия были слишком характерными. Две крошечные склянки обладали такой разрушительной силой, что перед глазами вставали картины опустошенных земель и гор трупов.

В глубине души ему хотелось, чтобы это дело было похоронено навсегда, но он понимал — это невозможно. Если когда-нибудь император узнает, что они скрыли существование такого оружия, он заподозрит их в недобрых намерениях. Тогда ни медицинская лавка Шаншань, ни поместье хоу Чжэньбэй не смогут избежать гибели.

— Старшему господину не о чем беспокоиться, — Цзинь Юньтин понял его тревогу. — Его Величество милосерден и не станет без нужды применять подобное оружие.

Оставив несколько человек для завершения дел, основной отряд Цзинь Юньтина двинулся в путь. К вечеру следующего дня они достигли окраин города Аньпин. Большая часть людей уже разъехалась, остались лишь Цяо Сынянь, Цзинь Юньтин, Цзинь Чэнь, Жуань Чжичжэнь и шестеро личных гвардейцев.

Цяо Сынянь посмотрел на величественные городские стены, широко раскинул руки и глубоко вдохнул, медленно выдыхая. Если бы он был один, то непременно закричал бы во весь голос, как делают люди, взобравшиеся на вершину горы.

— Что делает брат Цяо? — захлопал глазами любопытный Цзинь Чэнь.

— Я же просил называть меня дядя Цяо, — снова поправил его Сынянь. Он чувствовал, как ветер скользит между пальцев, и выглядел совершенно опьяненным моментом. — Чувствуешь? Это аромат свободы.

— Брат Цяо, ничего я не чувствую! — Цзинь Чэнь не собирался называть его дядей, ведь тогда выходило, что Цяо Сывэнь стал бы старше его по рангу? Ни за что!

Цзинь Чэнь чувствовал, что впереди его ждет сплошная мука. Он уже представил, как сам станет тем, кто тренируется в лютый мороз и невыносимый зной, встает раньше петухов, ложится позже собак и ходит с синяками и ссадинами. Истинный круговорот судьбы: в этой жизни пришла очередь Цяо Сывэня брезгливо морщиться от его пота и чумазого вида.

— Молодой господин!

У городских ворот человек в синей одежде с круглым лицом растолкал стоявшего перед ним мужчину и, подпрыгивая, побежал к ним.

— Молодой господин, это правда вы! Как же хорошо! — Цин Чжу, казалось, никого, кроме своего хозяина, не видел. — Вы наконец-то приехали, я уже почти не справлялся.

— Что случилось? — Цяо Сынянь спрыгнул с лошади. — Тебя кто-то обидел? Разве я не говорил: если кто-то наглеет, выставляй их за дверь? Если ты позволил кому-то вытирать об себя ноги, не придется ли мне записать тебя в список никчемных слуг?

Цин Чжу обиженно пробормотал:

— Молодой господин, вы не знаете. Наложница Хуа устроила такой переполох, что в усадьбе всё вверх дном. Я не смел сказать, что у меня на руках их расписки о личной зависимости, боялся, что всё отберут.

— Хм, спектакль за спектаклем, — Цяо Сынянь начал строить планы. — Сывэнь знает об этом?

— Младший господин знает, но его положение таково, что ему трудно что-либо предпринять, — видя, что лицо Цяо Сыняня становится всё холоднее, Цин Чжу решил заступиться за младшего. — В конце концов, она его родная мать.

— Похоже, он забыл, кто он такой! — Цяо Сынянь вскочил на коня и приказал Цин Чжу: — Иди найди работоторговца.

Повернувшись к остальным, он добавил:

— Господа, у меня дела, я поеду вперед.

— Господин Цяо, погодите! — голос прозвучал холодно и отстраненно.

Цяо Сынянь крепче сжал поводья. Это был первый раз, когда Цзинь Юньтин заговорил с ним напрямую — обычно тот передавал слова через посыльных. На сердце у Сыняня стало

неспокойно.

— Что-то случилось?

— Ваши три лошади!

Гвардейцы подвели трех лошадей, отобранных у людей в черном. Это были отличные скакуны, грех отказываться — в конце концов, они и так принадлежали ему. Цяо Сынянь указал на остолбеневшего у ворот мужчину:

— Эй, ты, да, ты! Подойди и возьми лошадей под уздцы.

Когда поместье Цяо было конфисковано, а слуг отправили на продажу, Цяо Сынянь выкупил тех, кто хотел последовать за ними в ссылку в Северные земли. За это отвечал Цин Чжу.

— Людей много, боялись, что не поместимся, поэтому купили усадьбу с тремя дворами, — Цин Чжу дал две монеты уличному зазывале, чтобы тот нашел работного, а сам поспешил отчитаться перед господином. — Не успели обустроиться, как наложница Хуа заявила, что в доме не может не быть хозяйки, и потребовала право управления. Я пошел к старому господину, но он меня не принял. Тайком поползли слухи, что наложница Хуа — родная мать младшего господина, тут мне стало совсем трудно с ней спорить. Я снова пошел к господину, а он взял и просто отдал ей всё. Я передал ей книги учета, ключи от кладовых и комнат, а она побежала к младшему господину плакаться, что я — злой слуга, захвативший имущество семьи Цяо. Две тысячи серебром со счетов только уходили, на покупку дома и текущие расходы осталось лишь сотня с небольшим — этого даже на пропитание всей ораве не хватит.

Цин Чжу злился всё больше:

— Она не думает о том, что когда нас выгнали из поместья, у нас и этих ста монет не было! Потом начались бесконечные требования отдать земли и лавки. Говорит, что раз вы в столице под опекой наследного принца, то не бросите ссыльного отца и младшего брата, а во всем виноват я, злой слуга, из-за которого у вас дурная слава несыновней почтительности. Я не мог этого допустить, боясь, что она раздует скандал и испортит вашу репутацию, поэтому снова пошел к господину. В этот раз он на нее накричал, она не посмела больше шуметь, но стала приставлять ко мне людей следить за каждым шагом. А сама тем временем строит планы, как возвыситься, и всё это под предлогом заботы о младшем господине.

— А что же Сывэнь?

— Младший господин ходит в школу. Наложница Хуа пыталась перехватить его несколько раз, но он уклонялся, как мог. По утрам он навещает господина, а после занятий подает ему чай и лекарства, проявляя сыновнюю почтительность, — ответил Цин Чжу. — Он не помогал наложнице Хуа.

— Просто пустил всё на самотек?

— Молодой господин, младший еще мал, — Цин Чжу про себя проклинал наложницу Хуа. Два брата только-только начали сближаться за эти два года, а теперь она всё разрушит.

Появление Цяо Сыняня в усадьбе привело всех в замешательство. Самые прозорливые поспешили вперед:

— Старший господин вернулся!

Цяо Сынянь кивнул:

— Пусть все слуги соберутся во внутреннем дворе.

— Слушаемся, старший господин!

Многие только сейчас вспомнили, что их расписки о личной зависимости всё еще в руках этого человека, и лица их изменились.

— Похоже, господин Цяо пошел на поправку! — когда его вывели из тюрьмы, он лишь лежал и мог пить только рисовый отвар, а врач уже велел готовиться к худшему. Сейчас же он, судя по всему, мог есть и пить.

Цяо Сюжань, глава семьи, сидел за закрытыми дверями и ел мясо. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появился старший сын, который должен был быть в Яоцзине.

— Брат! — маленький пухлый мальчик бросился к нему и ухватился за руку. — Как ты здесь оказался?

Цяо Сынянь окинул взглядом Цяо Сывэня:

— Даже ссылка не заставила тебя похудеть! Я расторг брак, теперь я свободен, как ветер.

— Кх-кх! — кусок мяса застрял в горле у отца, и подававшая еду Ло Ин поспешно поднесла чай.

— Негодник! Как ты мог? — Цяо Сюжань дрожащим пальцем указал на сына. — Юань Бинь относился к тебе со всей душой, ни в чем не ущемлял. Три года ты не мог родить наследника, но он даже не взял наложницу! Как ты мог быть таким неблагодарным?

Всё дело было в том, что старик слишком вошел в роль, ведь даже за несколько совместных сцен он успел проникнуться. Цяо Сынянь не стал его винить:

— Как бы то ни было, мы расторгли брак.

Сынянь посмотрел на стол:

— Я тоже проголодался, поем, а потом поговорим.

Ло Ин поспешно принесла приборы и с улыбкой добавила:

— Господин просто вспылел, старший господин, не берите в голову.

Сынянь кивнул:

— Конечно.

— Ты еще и ешь? Ты... — господин Цяо встал и ушел во внутренние покои, чтобы не видеть его.

Сыняню было всё равно. Поест, уладит дела и уйдет, а в будущем будет появляться здесь как можно реже.

— Брат, — осторожно начал Цяо Сывэнь, глядя на Сыняня. — Отец делает это ради тебя, муж...

— Довольно, — Цяо Сынянь с непонятным выражением посмотрел на брата. — Сывэню уже семь, через несколько лет можно будет говорить о женитьбе, пора учиться управлять домом.

Цяо Сывэнь сдерживал слезы. Брат снова бросает его.

— Непокорный сын! — выскочил из внутренних покоев господин Цяо. — Ты собираешься бросить своего брата? А?

Ноги его явно стали слушаться лучше. Цяо Сынянь скривил губы:

— Это еще вопрос, брат ли он мне!

— Как это не брат? — господин Цяо бросил взгляд на Цин Чжу, стоявшего у дверей, и опустил на стул.

— Господин Цяо прекрасно знает: мой брат — это младший сын от вашей законной жены госпожи Хэ, Цяо Сывэнь, — Цяо Сынянь наложил себе еще риса. — Я не хочу ворошить прошлое, и в ваши семейные дела лезть не собираюсь. Я — разведенный муж, который пришел без приглашения, но здесь остались непослушные слуги, и я не позволю им позорить мое имя. Этот дом и оставшихся слуг я оставляю вам, документы на дом и расписки пришлю позже. В праздники буду присылать подарки, а если у вас возникнут дела — пишите мне, я помогу, чем смогу.

— Ты к Сулань не был так... так... — старик не мог подобрать слово.

— Безжалостен, — подсказал Цяо Сынянь. — Сулань — моя сестра, и я уважаю наложницу Му. Не знаю, с какими мыслями наложница Хуа просила мою мать, но младший сын, которого мать воспитывала как родного, не должен достаться другим.

— Ты хочешь, чтобы он отрекся от родной матери? Чтобы люди тыкали в него пальцем? Как ему жить дальше? — воскликнул господин Цяо. — Ты сам носил его на руках несколько лет, как можешь так с ним поступать?

Сынянь отложил палочки:

— Раз уж речь зашла об ошибках: раньше ты больше всего не хотел, чтобы я вмешивался в его дела, говорил, что я его испорчу. Почему же сегодня, когда я добровольно отхожу в сторону, ты не хочешь меня отпустить?

Господин Цяо пристально посмотрел на сына, в его глазах мелькнули сложные чувства:

— Вчера вечером в моем кабинете оставили письмо. Раньше я ошибался в тебе. Теперь, когда семья Цяо в ссылке, ты должен забыть старые обиды.

Цяо Сынянь уловил в глазах отца ненависть. Он винит его в том, что тот не попросил великого князя спасти поместье? Сынянь лишь усмехнулся:

— Господин Цяо, кажется, забыл: вы сами признали вину. Совершая зло, нужно быть готовым к возмездии. К тому же, я ни слова не сказал о том, чтобы он отрекся от матери. Пусть они хоть обнимаются в сторонке — мне всё равно. Если он когда-нибудь выслужит для нее титул, я даже похвалю его, как достойного сына. А сейчас я хочу быть достойным сыном своей матери. Либо наложница Хуа ведет себя тихо, как раньше, либо пусть забирает сына и соблюдает правила. И не вздумайте делать ее законной женой — не говоря уже о ее происхождении, вы должны помнить, что у моей матери остались братья. Нынешний государь мудр, и разводы по причине смены статуса случаются нередко. Вы же не хотите, чтобы император так скоро вспомнил о вас?

— Ты, неблагодарный сын! Хочешь, чтобы твоя мать не нашла покоя на том свете? — господин Цяо в ярости швырнул в него чашку.

Сынянь уклонился:

— Вы ошибаетесь. Если моя мать узнает об этом, она наверняка пригласит друзей, будет пить вино и писать стихи, празднуя наше освобождение от страданий.

— Негодник, негодник! — господин Цяо дрожал от гнева.

Всё, что нужно, было сказано. Цяо Сынянь решил, что пора заканчивать:

— Господин Цяо, извините за беспокойство, у меня дела, прощайте.

— Брат! — Цяо Сывэнь ухватился за него. — Я написал новые прописи, учитель сказал, что я хорошо выучил текст. Брат еще не проверял.

Сынянь посмотрел в его полные обожания глаза, присел на корточки:

— Знаешь, о чем мы только что говорили?

— О наложнице Хуа... Я ее не люблю, — прошептал мальчик. — Она злая.

О том, что делать с наложницей Хуа, Сынянь промолчал:

— У брата много дел. Через пару дней приеду за тобой, хорошо? Возьми, поиграй.

Он вложил в руку Сывэня оранжевую жемчужину, которую не отдал Цзинь Чэню.

— Ты еще не доел, нельзя ходить голодным.

Затем он повернулся к Ло Ин, которая боялась даже дышать:

— Убери холодную еду, приготовь что-нибудь свежее и прислуживай младшему господину.

Сказав это, он вышел. Цин Чжу поспешил следом:

— Молодой господин, где мы заночуем? В городе есть пара неплохих трактиров, может, перекусим?

Он-то видел, что его господин не наелся!

— Едем в усадьбу! Найди работоторговца, всех, кто беспокоен, выгоняй. Расписки ведь не у них? Скажи торговке, чтобы завтра прислала людей.

Выйдя из ворот, он увидел женщину, стоявшую у стены. Сынянь остановился:

— Наложница Му.

— Приветствую старшего господина, — она присела в реверансе, глядя на него с немym вопросом.

— Не волнуйтесь, Сулань в порядке. Семья Цянь простая, она родила им ребенка, ее там не обижают, — Сынянь поклонился. — В будущем прошу вас приглядывать за Сывэнем.

Наложница Му поспешно отступила:

— Благодарю, старший господин, вы слишком добры.

Цяо Сынянь кивнул и, ведя Цин Чжу за собой, направился к главным воротам. Увидев его, слуга, которого посылали за людьми, доложил:

— Тетушка Ло Ин не пришла, наложница Хуа сказала, что ей нездоровится, и оставила при себе служанок. Работоторговцы тоже прибыли.

Сынянь кивнул:

— Цин Чжу, передаю всё тебе. Всех людей наложницы Хуа — за ворота. Ты знаешь мои правила.

Цин Чжу склонил голову:

— Слушаюсь, молодой господин.

Не обращая внимания на крики и мольбы из глубины двора, Цяо Сынянь вскочил на коня и с ящиком жемчуга поскакал прочь из города.

<http://bllate.org/book/19132/1878998>